

КУРТ ВОННЕГУТ

ГАЛАПАГОСЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut

GALÁPAGOS

Перевод с английского *Ю. Здорова*
Серийное оформление *Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Dial Press,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random
House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73 Галапагосы : [роман] / Курт Воннегут ; [пер.
с англ. Ю. Здорова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-105969-9

«Галапагосы» — роман, в котором Воннегут со
свойственной ему тонкой сверкающей иронией про-
должает истории многих героев и антигероев своей
ранней прозы — и делает это со зрелой мудростью на-
стоящего мастера.

Небольшой островок Галапагосского архипелага
стал пристанищем для людей, чудом уцелевших по-
сле всемирной катастрофы. Выжили лишь немногие —
и как назло, не самые лучшие представители челове-
чества...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, Jr., 1985

© Перевод. Ю. Здоров, 2017

ISBN 978-5-17-105969-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается памяти Хиллиса Л. Хоуи (1903—1982), натуралиста-любителя — хорошего человека, который вывез меня, моего лучшего друга Бена Хитца и еще нескольких ребят на американский Дикий Запад из Индианаполиса, штат Индиана, летом 1938 года.

Мистер Хоуи познакомил нас с настоящими индейцами, заставлял нас каждую ночь спать под открытым небом и зарывать в землю свой навоз, и учил нас ездить на лошадях, и поведал нам названия множества растений и животных, и рассказал о том, что им приходится делать для сохранения жизни и размножения.

Как-то ночью мистер Хоуи напугал нас до полусмерти — намеренно, воя, как дикий кот, близ нашего лагеря.

И настоящий дикий кот откликнулся ему.

Несмотря ни на что, я все-таки
верю, что люди в глубине души
действительно добры.

Анна Франк (1929—1944)

КНИГА ПЕРВАЯ

ТАК БЫЛО

1

Было так:

Миллион лет тому назад, в 1986 году нашей эры, Гуаякиль являлся главным морским портом небольшой южноамериканской республики Эквадор, столица которой, Кито, располагалась высоко в Андах. Гуаякиль лежал на два градуса южнее экватора — воображаемого пояса планеты, давшего название самой стране. Царила там неизменная жара, да и влажность, так как город построен был в безветренной экваториальной зоне, на пружинящем болоте, которое образовывали, сливаясь, несколько сбегавших с гор рек.

Открытое море начиналось в нескольких километрах от этого морского порта. Нередко меси-во водорослей заполняло воды дельты, делая их студенистыми, облепляя сваи причалов и якорные цепи.

В те времена мозг у людей был значительно больших размеров, чем сегодня, и потому его могли занимать разного рода загадки. В 1986 году они, например, не могли разгадать, как множество тварей, не способных вплавь покрывать большие расстояния, сумело достичь Галапагос-

ских островов — архипелага вулканических скал к западу от Гуаякиля, который был отделен от материка тысячекilометровой полосой глубокой, холоднейшей воды, напрямик из Антарктики. К моменту открытия этих островов людьми там уже обитали гекко и игуаны, рисовые крысы и лавовые ящерицы, пауки и муравьи, жуки и кузнечики, клещи и иные паразиты, не говоря уже о гигантских сухопутных черепахах.

Каким образом все они туда добрались?

Чересчур крупный мозг многих людей той поры довольствовался следующим ответом: на природных «плотах».

Другие возражали, говоря, что подобные «плоты» быстро пропитываются водой и распадаются на части — и никому еще не доводилось встречать их вне видимости берега; к тому же течение, господствующее между островами и материком, отнесло бы такое угловое суденышко на север, а не в западном направлении.

Либо утверждали, будто все эти сухопутные обитатели перешли, не замочив ног, по некоему естественному мосту или перебрались вплавь короткими бросками от одного выступающего над водой утеса до другого, после чего некоторые из этих перевалочных пунктов успели исчезнуть под водой. Однако ученые при помощи своих крупных мозгов и хитроумных инструментов составили к 1986 году карты океанского дна. Там, как они заявили, не было обнаружено ни малейшего следа сильно возвышающихся частей ландшафта.

Третьи в ту эпоху непомерно больших мозгов и прихотливого мышления настаивали, что некогда острова являлись частью материка и откололись от него вследствие какой-то крупной природной катастрофы.

Но, судя по виду самих островов, не похоже было, чтобы они откололись от чего бы то ни было. Это явно были еще молодые вулканы, исторгнутые из недр земли в том самом месте, где они теперь находились. Многие из них, еще совершенно новорожденные, могли в любой момент снова начать извергаться. Тогда, в 1986 году, они еще не слишком обросли кораллами и потому не могли похвастать голубыми лагунами и белоснежными песчаными пляжами (каковые в глазах многих являли собой прообраз идеальной загробной жизни).

Ныне, миллион лет спустя, острова обзавелись уже и белоснежными пляжами, и голубыми лагунами. Однако к началу этой истории они еще представляли собой безобразное нагромождение складок, куполов, конусов и пиков, образованных лавой — хрупкой и шероховатой, чьи трещины, выемки, шурфы и провалы были богаты запасами не плодородной почвы или питьевой воды, а тончайшего, высушенного до предела вулканического пепла.

Еще одна бытовавшая в те времена теория гласила, что Всемогущий Господь сотворил всю эту живность именно там, где ее и обнаружили исследователи, так что ей не было вообще никакой надобности добираться до островов.

Наконец, согласно последней теории, все эти твари сошли на берег парочками с трапа Ноева ковчега.

Если Ноев ковчег существовал в действительности — что вполне возможно, — то повествование свое я мог бы озаглавить «Второй Ноев ковчег».

2

Не составляло, напротив, никакой загадки миллион лет назад то, каким образом намеревался попасть с южноамериканского континента на Галапагосские острова тридцатипятилетний американец по имени Джеймс Уэйт, который абсолютно не умел плавать. Само собой разумеется, он не собирался оседлывать созданный природой плавучий островок из растений, в надежде на счастливый исход. Только что он приобрел в своем отеле, располагавшемся в центре Гуаякиля, билет на новый, с иголки пассажирский корабль «Bahia de Darwin» (что в переводе с испанского означает «Бухта Дарвина»), который должен был отправиться в свое первое плавание — двухнедельный круиз на Галапагосы. Премьеру, предстоявшую судну, на чьей мачте развевался эквадорский флаг, еще за год до отплытия анонсировали и разрекламировали как «Естествоиспытательский круиз века».

Уэйт путешествовал один. Это был преждевременно облысевший пухлый коротышка с лицом цвета непропеченного пирога из дешевого кафетерия и в очках — так что на вид, будь ему в том выгода, он вполне мог выдавать себя за пя-

тидесятилетнего. Главным его стремлением было выглядеть безобидным и робким.

В данный момент он был единственным посетителем коктейль-бара в отеле «Эльдорадо», расположенном на широкой улице Дьес де Агосто, где он снимал номер. Бармен, двадцатилетний потомок гордых инкских аристократов, имя которого было Хесус Ортис, не мог отделаться от ощущения, что дух этого бесцветного и недружелюбного человечка, назвавшегося канадцем, сломлен некой ужасной несправедливостью или трагедией. Уэйт хотел, чтобы любой, кто его увидит, чувствовал то же самое.

Хесус Ортис, один из приятнейших персонажей моего повествования, испытывал в отношении этого одинокого туриста скорее жалость, чем презрение. Ему было грустно — как на то и рассчитывал Уэйт — от мысли, что постоялец только что израсходовал кучу денег в магазинчике при отеле на соломенную шляпу, веревочные сандалии, желтые шорты и сине-бело-лиловую хлопчатобумажную рубашку, в которые тот сейчас и был выряжен. Ортис припомнил, что, прибыв из аэропорта в деловом костюме, Уэйт выглядел весьма достойно. А теперь, ценою больших затрат, приобрел вид клоуна, карикатуры на американского туриста в тропиках.

К новой, хрустящей рубашке Уэйта еще был приторочен ценник, и Ортис вежливо и на хорошем английском сказал ему об этом.

«Разве?..» — проронил Уэйт. Он знал, что ценник болтается на нем, и хотел, чтобы тот продол-

жал болтаться. Однако разыграл небольшой спектакль, изобразив замешательство и даже словно бы намереваясь оторвать злосчастный клочок картона. Но затем, словно переполненный вновь некой печалью, от которой он старался бежать, как бы забыл о своем намерении.

Уэйт был рыбаком, а ценник на рубашке — его наживкой, способом подтолкнуть незнакомых людей к тому, чтобы те заговорили с ним и в той или иной форме сказали ему то, что произнес Ортис: «Извините меня, сеньор, но не мог не заметить...»

В отеле Уэйт был зарегистрирован под именем, которое значилось в его фальшивом канадском паспорте: Уиллард Флемминг. Он был чрезвычайно удачливым мошенником.

Самому Ортису ничто не угрожало, однако для женщины без спутника — зажиточной наружности, незамужней и уже рожавшей — Уэйт представлял бы определенную опасность. До сего момента он успел обольстить и заставить выйти за себя замуж семнадцать подобных жертв, после чего, очистив их шкатулки с драгоценностями, сейфы и банковские счета, исчезал.

Везение его было столь велико, что ему удалось стать миллионером и открыть под разными вымышленными именами процентные счета в банках по всей территории Северной Америки, ни разу при этом ни на чем не попавшись. Насколько ему было известно, никто даже и не помышлял о том, чтобы поймать его. Что касается полиции, то для нее, рассуждал наш герой,

он был лишь одним из семнадцати сбежавших от жены мужей, которые носили соответственно семнадцать разных имен, а не одним и тем же преступником по имени Джеймс Уэйт.

Ныне трудно поверить, что люди когда-то могли являть столь блестящий образец двуличия, как Джеймс Уэйт, — если только не помнить, что в те давние времена почти у всякого индивида мозг весил порядка трех килограммов! Не было предела злым козням, которые столь непомерно разросшийся мыслительный аппарат мог задумать и осуществить.

И потому я задаю вопрос (хотя поблизости нет никого, кто бы на него ответил): можно ли сомневаться, что трехкилограммовый мозг некогда представлял собой почти роковой дефект с точки зрения эволюции человеческого рода?

И еще: какой, помимо нашей переусложненной нервной системы, источник злодеяний, творившихся практически повсеместно, существовал в ту эпоху?

Мой ответ: никакого. Если бы не эти невероятно гипертрофированные мозги, Земля была бы совершенно невинной планетой.

3

Отель «Эльдорадо» представлял собой только что отстроенное пятиэтажное пристанище для туристов — сооружение из простых, без затей цементных блоков. Пропорциями он напоминал застекленную книжную полку, высокую, широкую и не слишком вместительную. Сквозь

стекло, заменявшее во всех спальнях гостиницы западную стену, от пола до потолка, открывался вид на причал для океанских кораблей, который был расположен в углубленной части дельты, на удалении трех километров от города.

В прошлом причал этот бурлил коммерцией. Суда со всех концов земли доставляли сюда мясо и зерно, овощи и фрукты, машины и одежду, оборудование и бытовую технику и еще многое и многое — и увозили взамен в своих трюмах эквадорские кофе и какао, сахар и нефть, золото и предметы индейского искусства, и поделки, включая панамы, которые испокон века изготавливались в Эквадоре, а не в Панаме.

Однако в тот день, когда Джеймс Уэйт, глядя на рейд, потягивал в баре отеля ром с кокаколой, против причала стояла на приколе лишь пара кораблей. Пьянчугой на самом деле он не был, так как зарабатывал на жизнь изобретательностью ума и не мог позволить, чтобы тонкие соединения помещавшегося в его черепе компьютера были выведены из строя алкогольным замыканием. Стоявшая перед ним выпивка служила театральным реквизитом — как и несрезанный ценник, болтавшийся на его шутовской рубашке.

Он не имел возможности судить, было ли нынешнее состояние дел на причале нормальным или нет. Еще пару дней назад он слыхом не слыхивал о Гуаякиле и сейчас впервые за всю свою жизнь находился южнее экватора. Что касается отеля, то «Эльдорадо», на взгляд нашего героя, ничем не отличался от массы других безликих

гостиниц, под крышей которых ему доводилось находить приют во время своих прошлых эскапад — в Мус-Джо, штат Саскачеван, в мексиканском городке Сан-Игнасио, в Уотервлаете, штат Нью-Йорк, и так далее.

Название города, где он сейчас пребывал, Уэйт выбрал на табло прилетов и отлетов в нью-йоркском Международном аэропорту имени Кеннеди. Накануне он обобрал до нитки и бросил свою семнадцатую жену — семидесятилетнюю вдову из города Скокки, что под Чикаго. И Гуаякиль показался ему местом, в котором та менее всего догадается разыскивать его.

Женщина эта была столь уродлива и глупа, что лучше бы ей вовсе не родиться на свет Божий. Тем не менее Уэйт стал вторым, кто взял ее себе в жены.

Но и в «Эльдорадо» он слишком долго задерживаться не собирался, поскольку приобрел у агента бюро путешествий, чья конторка располагалась в вестибюле отеля, билет на «Естественно-испытательский круиз века». В этот послеобеденный час город был раскаленнее адской печи. Снаружи не веяло ни ветерка, но нашего героя это заботило мало, ибо он находился внутри, в кондиционированном баре отеля, и все равно вскоре собирался в путь. Его корабль, «Bahia de Darwin»¹, должен был отплыть ровно в полдень завтра, в пятницу, 28 ноября 1986 года — миллион лет тому назад.

¹ «Бухта Дарвина» (исп.).

Бухта, в честь которой названо было пассажирское судно Уэйта, вдавалась с юга в остров Хеновеса, относящийся к Галапагосскому архипелагу. Уэйту никогда прежде не доводилось слышать о Галапагосах. Он полагал, что они должны походить на Гавайи, где он однажды проводил медовый месяц, или Гуам, куда его раз занесло во время очередных бегов, — с бесконечными белоснежными пляжами, голубыми лагунами, раскачивающимися на ветру пальмами и смуглокожими девушками-туземками.

Агент бюро путешествий вручил ему проспект, в котором рассказывалось о предстоящем круизе, однако Уэйт до сих пор не удосужился в него заглянуть. В данную минуту тот лежал перед ним на стойке бара. Проспект правдиво описывал негостеприимность островов и предупреждал желающих принять участие в круизе — чего не сделал агент бюро путешествий, — что те должны находиться в хорошей физической форме и иметь при себе прочные ботинки и походную одежду, так как им придется часто высаживаться на берег, карабкаясь по его скалистым склонам, как морская пехота.

* * *

Бухта Дарвина была названа так в честь великого английского ученого Чарльза Дарвина, который посетил Хеновесу и ряд соседних островов и провел там пять недель в 1835 году, когда он был еще двадцатипятилетним молодым человеком, на девять лет моложе Уэйта. Дарвин в каче-

стве внештатного натуралиста находился на борту корабля Ее Величества «Бигль», участвуя в картографической экспедиции, которая позволила ему совершить полное кругосветное путешествие и длилась пять лет.

В проспекте, предназначенном скорее для любителей природы, нежели искателей удовольствий, приводилось сделанное Дарвином описание типичного ландшафта Галапагосов из его первой книги «Путешествие на «Бигле»»:

«На первый взгляд трудно представить себе что-либо более непривлекательное. Изломанное поле черной базальтовой лавы, брошенное посреди бушующих волн и изборозженное глубокими расщелинами, сплошь покрыто чахлой, выжженной солнцем порослью, почти не подает признаков какой-либо жизни. Сухая и раскаленная каменная поверхность, разогреваемая полуденным солнцем, придавала воздуху ощущение спертости и духоты, точно из печи; нам чудилось даже, будто от кустов исходил неприятный запах».

Далее Дарвин продолжал: «Вся поверхность... казалось, пропускала, словно сито, подземные испарения: то здесь, то там лава, будучи еще мягкой, образовала огромные пузыри; в других местах своды сформировавшихся подобным образом пещер обрушились, оставив вместо себя круглые кратеры с отвесными стенами». Это зрелище, писал он, живо напомнило ему «... те места Стаффордшира, где больше всего расположено литейных печей».